

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху»

© 2002 г.

«СКИФЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Этническая (этнокультурная) принадлежность населения Среднего Дона в скифское время – безусловно один из самых сложных вопросов донской археологии. История его изучения показывает не только калейдоскоп мнений (скифы, савроматы-сирматы, гелоны и будины, «отделившиеся скифы», меланхлены), но и высвечивает причины столь разительных отличий во взглядах исследователей, несмотря на то что их труды построены на одних и тех же источниках (главным образом письменных и археологических). С одной стороны, это недостаточная информативность и известная противоречивость античных источников о скифах вообще и о населении Среднего Дона в частности. С другой – различный подход (подходы) к источникам, их анализу и интерпретации. Многие противоречия в скифской археологии порождены не античными авторами, а самими археологами из-за слабой разработанности вопроса об этнических, этнокультурных критериях оценки археологического материала¹.

Более тридцати лет назад П.Д. Либеров обосновал гелоно-будинскую принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. После его изысканий в этой области всесторонних и всеобъемлющих концепций, подобных созданной исследователем, долго не появлялось. Лишь с 90-х годов XX столетия трудами воронежских (главным образом А.П. Медведева) и московских (В.И. Гуляева) археологов возрождаются с новыми обоснованиями и акцентами уже известные ранее концепции. А.П. Медведев, значительно дополнив, а в ряде случаев значительно изменив положения концепции П.Д. Либерова, обосновывает гелоно-будинскую принадлежность населения Среднего Дона. Источники среднедонской культуры автор видит в Днепровском лесостепном Левобережье². В.И. Гуляев (в ряде случаев совместно с Е.И. Савченко) возрождает мнение М.И. Ростовцева, А.А. Спицына и других археологов начала XX в. о скифской принадлежности населения Среднего Дона. При этом В.И. Гуляев развивает точку

¹ Так, Б.Н. Граков, характеризуя среднедонскую группу памятников, пришел к выводу о господствующем здесь «посульско-донецком характере все воронежской культурной группы в скифское время» (Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 150). Используя те же источники В.А. Ильинская выделяет особенности культуры населения Среднего Дона, ярко проявляющиеся в многообразии типов погребальных сооружений, что не находит соответствий в курганах посульско-донецкого круга (Ильинская В.А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 85). Подобные примеры можно без труда умножить. Заметим, что древние авторы здесь не фигурируют, а противоречия порождены различными подходами к археологическим источникам.

² Медведев А.П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993; он же. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.). М., 1999.

зрения о единстве культуры степи и лесостепи, населенных, по его представлениям, собственно скифами³.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых вопросов интерпретации археологических источников в рамках тезиса о «скифах на Среднем Дону», без выяснения которых, как представляется, дальнейшее поступательное движение к расшифровке реалий древности будет проблематичным.

А.П. Медведев при решении этнокультурных вопросов пошел традиционным путем – через всесторонний анализ сообщений Геродота с подключением комплекса археологических источников. Противоречия в сообщениях Геродота автор устраняет с помощью привлечения данных других письменных источников, лингвистики, гидронимии. При этом спорность многих вопросов не устраняется, но явно видно стремление автора преодолеть противоречия текста Геродота исходя из положения «не отвергать», а «объяснять» Геродота.

Иные подходы к проблеме просматриваются в работах В.И. Гуляева. Они в ряде случаев построены на иных принципах и приводят к иным выводам, поэтому остановимся на этих вопросах подробнее. Доказывая скифскую принадлежность населения Среднего Дона, В.И. Гуляев ссылается на аналогичный взгляд других археологов: М.И. Ростовцева, А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко, С.Н. Замятина, В.А. Городцова, А.Ф. Шокова, А.И. Пузиковой. В результате может создаться впечатление о наличии многочисленных разработок, концепций сторонников мнения о «скифах на Среднем Дону». Между тем, кроме М.И. Ростовцева никто из перечисленных исследователей не обосновывал скифскую принадлежность населения Среднего Дона, хотя они и именуют воронежские курганы «скифскими». Так, А.А. Спицын относит погребальные памятники Среднего Дона к «воронежским скифам», но без каких-либо пояснений⁴. По мнению А.Ф. Шокова⁵, на Среднем Дону также жили «скифы», но «местные», а не пришлые, как полагал М.И. Ростовцев. Нет каких-либо доказательств о скифской принадлежности населения Среднего Дона в работах других названных исследователей.

Лишь М.И. Ростовцев не только отнес среднедонские курганы к скифской культуре, но и высказал на этот счет свои соображения. Взгляды исследователя были построены главным образом на характере вещевых комплексов, за что впоследствии М.И. Ростовцев был подвергнут критике. Выделяя на основании «вещей восточного стиля» группы скифских памятников (среди них и донскую), исследователь осознавал ограниченность такого одностороннего подхода к археологическим материалам. По этому поводу М.И. Ростовцев писал, что не смог опереться на формы погребального сооружения из-за слабой изученности этого вопроса («...эта сторона мало и плохо изучена»)⁶. Свообразно понимал исследователь и скифскую культуру. По его мнению, это культура «царей и высшей феодальной аристократии», а не всех скифов как народа, хотя эта культура и «...постепенно проникает... в толщу народа...»⁷. Кажется, возрождение тезиса о «скифах на Среднем Дону» в настоящее время требует иных подходов и куда большей аргументации, в том числе и по вопросу об «отделившихся скифах» в Донской лесостепи.

Можно думать, что историческая наука пришла к объективной оценке труда Геродота и преодолела данное с легкой руки Цицерона великому историку прозвище «отец лжи». Тем более неожиданными выглядят предложения В.И. Гуляева «отдать» Геродота историкам и филологам из-за «неопределенных и противоречивых сведений античных авторов и прежде всего Геродота» о расселении скифов и их соседей⁸. В качестве яркого примера противоречивости древних письменных сообщений автор не раз приводит в пример работу А.А. Ельницкого, который, исходя из все той же античной традиции, «...убедительно продемонстрировал возможность размещения будинов и гелонов на Кавказе»⁹.

³ Гуляев В.И., Савченко Е.И. Терновое I – новый могильник скифского времени на Среднем Дону // РА. 1995. № 4; Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000; он же. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2001 гг. М., 2001.

⁴ Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. 63. С. 123.

⁵ Шоков А.Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

⁶ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 309.

⁷ Он же. Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. 1914. С. 80.

⁸ Гуляев. Общие проблемы... С. 24.

⁹ Он же. Об этнокультурной принадлежности... С. 146.

В данном вопросе явно смещены акценты. Геродот, живший в эпоху скифов, получавший от них информацию, приравнен в своих исторических построениях к поздним авторам. Не удивительно, что у них гелоны и будины «кочуют» по различным географическим зонам Евразии и неудивительным будет их присутствие на Кавказе. Но принципиально важно то, что у Геродота ни будины, ни гелоны не «кочуют». Историк всегда четко выдерживает порядок перечисления народов с запада на восток и обратно и выдерживает место в этом порядке будинов и гелонов. И ни разу не ошибается¹⁰.

Но вопрос не в этом. Отказ от письменных источников (хотя бы на время уяснения «археологических» споров) – это особый подход¹¹, в котором, как представляется, есть один из выходов из той нелегкой ситуации, в которой оказались археологи при решении вопросов о соответствии письменных и археологических данных. Отказаться от использования письменных источников (и прежде всего данных Геродота) – значит отказаться и от «этнического клише» «скифы», которым древние авторы пользовались для обозначения кочевых народов, и перейти на концепцию «культурного континуума» Д.С. Раевского или «культурных горизонтов» В.А. Башилова (распространение на различных территориях сходных проявлений материальной или духовной культуры, не свидетельствующих о каком бы то ни было единстве, в том числе – этническом)¹². Позиция в этом вопросе В.И. Гуляева двойственна: от этнонимов «скифы», «савроматы», «будины, гелоны» и других автор не отказывается, отвергнутый поначалу Геродот остается, а его «неопределенные и противоречивые» данные используются для создания новой этнической карты Восточной Европы¹³ и обоснования новых идей по размещению будинов¹⁴ и т.д.

Без письменных источников у нас остаются археологические материалы, которые, по мнению В.И. Гуляева, и могут разрешить проблему. Не вызывает возражений и его призыв «шире привлекать археологические материалы для широких исторических реконструкций». Сомнения есть по поводу того, что они (археологические материалы) могут окончательно решить этнокультурную проблему. Говорить же об этносе без письменных источников если и возможно, то только гипотетически. Исследователи культуры, например, эпохи бронзы, лишенные письменных источников и располагающие, как правило, только археологическими данными, испытывают много больше затруднений в исследовании этнокультурных вопросов.

При этом необходимо учитывать, что даже основополагающие археологические понятия, такие, как «археологическая культура», «соотношение культур и этноса» и другие, являются предметом дискуссии. При таких условиях любые археологические материалы при анализе этнокультурных вопросов неминуемо будут противоречивыми, неоднозначными, что находит отражение в дискуссиях и по проблеме этнокультурного содержания памятников скифского времени Среднего Дона.

При обращении к археологическим источникам, как наиболее информативным, В.И. Гуляев делает еще один принципиальный вывод – основополагающий во всей концепции. После критики античных письменных источников автор пишет: «Гораздо больше шансов на успешное решение вопроса об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в скифское время дает, на мой взгляд, тщательный анализ местных *археологических вещевых комплексов* и сопоставление его итогов с синхронными памятниками сопредельных территорий...» (курсив наш. – В.Б.)¹⁵. Именно на «вещевых комплексах» построены сравнительные характеристики территориально-культурных образований и им отдается предпочтение перед другими. На основании сходства в инвентаре среднедонских и нижнедонских курганов обосновывается вывод о культурном единстве указанных территорий и находившихся на них групп населения. Перечисление же признаков погребального обряда, как это становится ясным при анализе работ, – только фон «вещевым комплексам». Погребальный обряд, характерный для среднедонских курганов, по большей части имеет общеевразийские черты (деревянные конструкции в могилах, кольцевые ровики, культ огня, наличие дромосов-коридоров и др.) и дополнительную информацию предоставить не может.

¹⁰ Медведев. Ранний железный век... С. 133.

¹¹ См., например: Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в XXI в. // Археология России в XX в.: итоги и перспективы. Тез. докл. конф. М., 1999.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Гуляев. Общие проблемы... С. 35. Рис. 2.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 146; *он же*. Об этнокультурной принадлежности. С. 24.

Обращение к «вещевым комплексам» как этнокультурному индикатору весьма спорно. Сейчас можно считать установленным военно-дружинный, аристократический характер погребенных под курганами скифского времени Среднего Дона¹⁶. Того же мнения придерживаются и В.И. Гуляев («скифская аристократия»)¹⁷ и Е.И. Савченко, тщательно проанализировавший материалы раскопок Потуданской экспедиции (руководитель В.И. Гуляев) у сел Терновое и Колбино¹⁸.

В таком случае нельзя не замечать особый характер предметов погребального инвентаря элиты общества. В дружинно-аристократических верхах предметы обычно теряют свое этнокультурное своеобразие, нивелируются и по ним уже невозможно установить этнос. Многочисленные примеры распространения социально престижных предметов на широкой территории степи и лесостепи Восточной Европы, приведенные В.И. Гуляевым, вовсе не свидетельствуют о каком-либо этническом или культурном единстве населения, обладавшего этими предметами. Разноэтничная элита всегда вбирала в себя все лучшее и роскошное (и инородное в том числе). В качестве примера попыток этнической интерпретации погребения высокого социального ранга, правда, более поздней эпохи, но примера аналогичного по своему характеру, можно привести споры, связанные с результатами раскопок «Черной могилы» на Черниговщине (IX–X вв.). Под курганом были обнаружены следы сложных и неоднородных обрядовых действий, а состав вещей вобрал в себя все многообразие внешних и внутренних связей Древней Руси: восточноевропейский доспех, славянская керамика, скандинавский сидячий божок, византийские золотые монеты. Спорным остается вопрос об этнокультурных истоках и смысловой нагрузке сюжета на одной из серебряных оправ турьевого рога-ритона¹⁹. А этнокультурная принадлежность погребенных остается загадкой.

В такой же ситуации оказывается исследователь этнокультурных вопросов и на Среднем Дону. И тот факт, что значительная часть предметов погребального инвентаря с территории Среднего Дона имеет прямые аналогии в скифской степи (В.И. Гуляев привел многочисленные примеры инвентаря с нового курганного могильника Колбино–Терновое), еще не дает оснований для выводов этнического порядка. Это касается даже ярких примеров находок парадных мечей и известного серебряного кубка. При всем «уважении» к кубку как социально престижной вещи видеть в нем прямое свидетельство скифского этноса на Среднем Дону, как это делает В.И. Гуляев, или гелонского (мнение А.П. Медведева) вряд ли возможно. С такой же уверенностью можно говорить и об агафирсах. Но третий персонаж, изображенный на сосуде, пока лишен какого-либо определения. Безусловно, требуют объяснения факты наличия в курганах степи и на Среднем Дону схожих предметов погребального инвентаря. Но эта схожесть не обязательно свидетельствует именно о «скифах на Среднем Дону». В среднедонских курганах имеются изделия и с других территорий (главным образом Днепровской лесостепи), а среднедонские изделия в зверином стиле разительно отличаются от степных, где античные источники «знают» скифов.

Весьма сомнительны попытки привлечь «скифскую триаду» в качестве этнического атрибута именно скифов²⁰. Значительная часть археологов «весьма низко» оценивает потенциал триады как этнического индикатора²¹, что недавно было еще раз отмечено В.С. Ольховским²². Ни оружие, ни конский убор, ни даже предметы в зверином стиле, отражающие мировоззрение человеческого коллектива, в том числе и этноса, не могут быть надежными индикаторами этноса (подарки, дань, военная добыча – а в таком случае смена владельца-этноса)²³. Триаду

¹⁶ *Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени лесостепного Дона (К реконструкции социальных отношений). Воронеж, 1995; *Медведев.* Ранний железный век...

¹⁷ *Гуляев.* Общие проблемы... С. 31.

¹⁸ *Савченко Е.И.* Погребальный обряд населения Среднего Дона в V–III вв. до н.э. (по материалам могильника Терновое I – Колбино I) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000; *он же.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2001 гг. М., 2001.

¹⁹ *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. IX–XII вв. Смоленск, 1995.

²⁰ *Гуляев.* Общие проблемы... С. 31.

²¹ *Яценко И.В., Раевский Д.С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 1980. № 5. С. 112; *Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 44 сл.

²² *Ольховский В.С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 92–93.

²³ Там же. С. 92.

вполне правомерно отнести к «престижно-знаковым системам»²⁴, которые хотя и характеризуют материальную культуру определенного этноса, но в то же время – явление надкультурное и надэтническое.

Важным показателем скифской принадлежности памятников Среднего Дона является «полное сходство» или «почти полное сходство» (по словам В.И. Гуляева) среднедонской культуры в целом с памятниками Днепровского Левобережья и нижнедонскими²⁵. Сходство безусловно присутствует в проявлениях материальной культуры и погребального обряда. В особенности это относится к памятникам Днепровской лесостепи, на что неоднократно обращали внимание исследователи²⁶. Что касается нижнедонских погребальных памятников V–IV вв. до н.э., то их сходство со среднедонскими не носит тотального характера. Некоторые элементы материальной культуры (например, два меча синдо-меотского типа в одном из курганов у с. Дуровка, некоторые керамические изделия) и погребального обряда (некоторые типы погребальных сооружений) действительно имеют сходство с нижнедонскими. Но это лишь элементы, а никак не «полное сходство». В общем же стилистические особенности звериного стиля с памятников Нижнего Дона и среднедонских значительно различаются. На Среднем Дону в целом господствуют иные типы погребальных сооружений, нежелезные в низовьях Дона. Так, в Елизаветовском могильнике (его В.И. Гуляев относит к скифам) значительная доля погребальных сооружений представлена относительно длинными ямами при малой их ширине. В V в. до н.э. они составляют 55,0% от числа всех могил²⁷. На Среднем Дону подобных типов могильных сооружений не обнаружено. Нет на Нижнем Дону и сожжений в глинобитных сооружениях, представленных в курганных могильниках Среднего Дона, хотя и не во всех. Этот список различий без труда можно продолжить, но сущность останется прежней: элементы и признаки сходства среднедонских погребений и нижнедонских не создают картину полного или почти полного сходства. Как нам представляется вслед за В.П. Копыловым, это сходство обусловлено общим источником происхождения среднедонских и какой-то части нижнедонских погребальных памятников – из Днепровского лесостепного Левобережья²⁸.

Примечательно, но факт: при сравнении различных районов лесостепи Восточной Европы со степными скифскими памятниками в работах В.И. Гуляева, где даны яркие примеры вещевых комплексов степных скифов, отсутствуют характеристики погребальных обрядов носителей этих комплексов. Отсутствуют какие-либо ссылки на работы исследователей этих проблем – В.Ю. Мурзина и в особенности В.С. Ольховского. Такой «вещеведческий» подход к анализу археологических материалов скифов вряд ли оправдан. Между тем, хорошо известен факт наличия у степняков основного типа погребального сооружения в виде катакомбы. Иные конструктивные особенности немногочисленных, в отличие от лесостепи, деревянных гробниц, требуют рассмотрения в рамках тезиса о культурном, этнокультурном и тем более этническом единстве. Примечательно в связи с этим, что тщательное исследование Е.И. Савченко погребального обряда могильника «Терновое I – Колбино I», осуществленное им недавно, не дает оснований связывать основные признаки обряда со степными памятниками²⁹. Ситуация не меняется и при рассмотрении с этих позиций всего подкурганного обряда Донской лесостепи³⁰.

Новая концепция, как представляется, должна быть основана и на критике основных концептуальных положений оппонентов. В последнее время считается почему-то достаточным высказать лишь свое мнение (но не его доказательство). Такие факты характерны и для этой дискуссии. Так, В.Е. Максименко по-прежнему считает, что античные источники под Танаисом подразумевали нижнее течение Дона и реку Северский Донец³¹. При этом автор даже не делает попыток научно опровергнуть или хотя бы высказать свое суждение по обоснованным

²⁴ Яблонский Л.Т. Культуры сакского типа на территории Средней Азии и Казахстана: единство или многообразие? // КСИА. 1991. 207. С. 16; Ольховский. Скифская триада. С. 93.

²⁵ Гуляев. Об этнокультурной принадлежности... С. 148.

²⁶ Граков. Скифы... С. 150; Медведев. Ранний железный век... С. 135.

²⁷ Копылов В.П. Погребение V в. до н.э. Елизаветовского могильника на Дону // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. Мелитополь, 1992. С. 40.

²⁸ Он же. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

²⁹ Савченко. Погребальный обряд...; он же. Могильник скифского времени...

³⁰ Березуцкий В.Д. Погребальные обряды населения лесостепного Дона в скифское время (V – начало III в. до н.э.); Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; Медведев. Ранний железный век...

³¹ Максименко В.С. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 126; Он же. Население междуречья Дона и Северского Донца в (V–III вв. до н.э.) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000. С. 182.

А.П. Медведевым новым доказательством в пользу соотнесения Танаиса с нынешним Доном³². Почему-то достаточным считается лишь высказывание своего прежнего мнения. Аналогичный подход присутствует и в работах В.И. Гуляева.

И еще один аспект темы. Новая концепция всегда воспринимается настороженно. Такова, видимо, судьба всего нового. Тем более новая система доказательств, новое высказанное мнение должны быть лишены какой-либо двойственности, недосказанности или противоречий в суждениях. К сожалению, в статьях В.И. Гуляева нередки противоречия, вызывающие недоумение. Так, критикуя А.П. Медведева за его интерпретацию будинов как не только скотоводов, но и как оседлых земледельцев, автор верно замечает, что эта интерпретация противоречит сведениям Геродота, для которого будины – кочевники. Однако тут же автор делает тот же шаг и предлагает геродотовских будинов (кочевников) «...поместить в лесную зону Верхнего Подонья – Среднего Поволжья»³³. Критикуя воронежских археологов за сопоставление ими количества курганов скифского времени и городищ, В.И. Гуляев правильно замечает, что «...любой курган – пока его не раскопают на снос – загадка для самого искушенного специалиста». И тут же автор отходит от своего утверждения, убеждая читателя в скифской принадлежности неисследованных еще могильников Болдыревка 1 и 2, у с. Горки, Репина Балка и ряда других³⁴. Такие «повороты» в работе – только помеха для уяснения мыслей автора и сущности его концептуальных взглядов.

Следует согласиться с мнением В.И. Гуляева о возможности существования в степной и лесостепной зонах единого военно-политического объединения, где скифы-иранцы занимали господствующее положение (таким же был взгляд на этот вопрос у А.И. Тереножкина и В.А. Ильинской). Но это было именно военно-политическое объединение, а не этнокультурное или этническое, на что еще раз обратил внимание В.Е. Максименко, уточняя свои взгляды на этот вопрос³⁵.

Как представляется, основным источником по этнокультурным вопросам должен стать не погребальный инвентарь. Его тщательный анализ безусловно необходим, но его надэтничная, надкультурная основа ограничивает его возможности в вопросах этнокультурной интерпретации. Основную этнокультурную нагрузку несут все же признаки погребального обряда. И его информативные возможности в среднедонских курганах далеко не исчерпаны.

Не обойтись здесь и без дальнейшего рассмотрения вопроса о понимании этнонима «скифы» в античных источниках и соотнесения его с археологическими данными. Совершенно очевидно, что без выяснения археологических критериев этнической специфики «скифов» этот вопрос вряд ли получит дальнейшее развитие. Немногочисленные, но перспективные исследования в этом направлении имеются³⁶.

В.Д. Березуцкий

THE SCYTHIANS IN THE MIDDLE DON REGION AND SOME PROBLEMS OF INTERPRETING ARCHAEOLOGICAL DATA

V.D. Berezutsky

The author tries to solve the problem of ethnical identity of the people who populated the middle reaches of the Don in the Scythian period and to verify the hypothesis of V.I. Gulyayev who thinks this population to be Scythian. Some points of Gulyayev's argumentation are considered rather weak, e.g. his insufficient attention to the details of burial ceremony. This ceremony itself, and not the burial inventory, which is often common for different ethnical groups and cultures, must be regarded as a main source for ethno-cultural identification.

The theory of Scythian identity of the people in this area in the 5th–4th c. BC does not seem to be sufficiently convincing.

³² *Медведев*. Река Танаис...; *он же*. Ранний железный век... С. 130–132.

³³ *Гуляев*. Общие проблемы... С. 23–24.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ *Максименко*. Население междуречья... С. 182.

³⁶ *Скорий С.А.* Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпрівського лісостепного Правобережжя // *Археологія*. 1987. № 1.